

М. Бахтин описывает так: «Конкретное должествование есть архитектурное должествование: осуществить свое единственное место в единственном событии-бытии, и оно прежде всего определяется как ценностное противопоставление я и другого»¹⁵. «Я», несомненно, всегда противопоставляет себя миру, выходящему за пределы «Я», однако это противопоставление не есть противодействие. «Я», противодействующее миру, в большей степени ущербно, а позитивно настроенное «Я», напротив, несет энергию созидания. Высшее проявление подобной энергии и есть творчество.

Таким образом, категория «Я» имеет имманентные свойства, позволяющие ее идентифицировать. Примечательно, что в оппозиционной системе «Я» – «не-Я» свойства одного компонента являются отражением свойств другого. Так определенность «Я» в случае «не-Я» становится определяемостью, самоопределенность – самоопределяемостью, а активная оппозиционность «Я» становится пассивной оппозиционностью «не-Я». Иными словами, свойства, присущие категории «Я», выполняют активную функцию по отношению к свойствам «не-Я». «Я» является более активным, нежели «не-Я». В целом же свойства анализируемых категорий дают возможность их определения.

УДК 130.2:81

МЕТАМОРФОЗЫ ЯЗЫКА В ПОСТМОДЕРНЕ

И.В. Кутырева

Саратовский государственный университет
E-mail: kutyirina@mail.ru

Несмотря на широкий пласт исследований, вопрос об эпохе постмодерна является достаточно дискуссионным как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Вопрос о языке и его метаморфозах ставится не менее остро. Рассматриваются характеристики, присущие обозначенной эпохе с позиций их герменевтического прояснения. Из выявленных характеристик эпохи мы можем составить представление о том, чем является язык данной эпохи.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, симулякр, плюрализм, псевдособытийность.

The Language and its Metamorphoses in Postmodernity

I.V. Kutyryova

The Postmodern Era has been widely researched in Russia and abroad. Nevertheless, it is still debatable for both Russian and Western scholars. The problem of language and its metamorphoses has

Примечания

¹ *Можейко М.А.* Я / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. Минск, 2003. С.1249–1250.

² См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. СПб., 2002.

³ *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. М., 2001. С.90.

⁴ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С.41.

⁵ Кстати, творческая разновидность «chretis» в Древней Греции осмысливалась как «graxis».

⁶ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С.135.

⁷ *Делез Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. М., 1998. С.398.

⁸ Там же. С.402.

⁹ *Колядко В.* Предисловие / В. Колядко // Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. М., 2002. С.18.

¹⁰ *Суханцева В.* Философия культуры: проблематика и основания / В. Суханцева // XX век: голоса культуры / Отв. ред. В.К. Суханцева. Луганск, 2000. С.9.

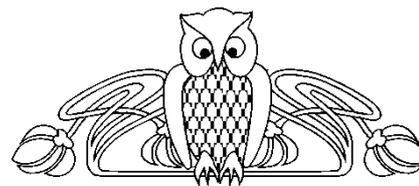
¹¹ *Бахтин М.* К философии поступка / М. Бахтин // Философия и социология науки и техники / Отв. ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С.158.

¹² *Rorty R.* Postmodernist bourgeois liberalism: in 2 v. / R. Rorty. Objectivity, Relativism and Truth. Philosophical Papers. Cambridge, 1991. Vol.1. P.63.

¹³ Относительно цивилизаций этот подход был предложен Н.Я. Данилевским, а затем О. Шпенглером.

¹⁴ *Бахтин М.* Указ. соч. С.159.

¹⁵ Там же. С.160.

become one of the key issues in this respect. We focus on studying characteristics of the postmodern period, not taking into account its value system. Thus, based on the characteristics of postmodernity we might form an idea of the language itself in the above-mentioned period, since every concept is inevitably manifested in the language.

Key words: modernity, postmodernity, simulacrum, multiculturalism, pseudo-event.

Для того, чтобы говорить о метаморфозах языка в постмодерне, сначала следует определить, что мы подразумеваем под последним. Широкий круг исследователей пытались дать полномасштабное определение обозначенной эпохи, выделить ее характеристики, размышляя над тем, что последует

за постмодерном, затрагивая еще множество соприкасающихся вопросов. Чем шире становится круг исследований, тем больше вопросов возникало. И до сих пор мнение о том, когда началась эпоха постмодерна, что она собой представляет – продолжение модерна или частичное отрицание его установок, остается весьма спорным. В литературе, посвященной этой проблеме, обычно выделяют два этапа, связанных с формированием его принципов и позиций. Первый – развитие постепенно приведших к постмодернизму идей постструктуралистов: идеи Ж. Лакана (концепция воображаемого и символического, критика «философии субъекта», учение о языке), теория деконструкции Ж. Деррида, постмодернистские концепции искусства Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ю. Кристевой и др.).

Второй этап – развитие постмодернизма в собственном смысле, представленный кругом исследователей, посвятивших себя изучению различных аспектов постмодернизма в философии, эстетике, культуре, искусстве (Ж. Бодрийяр).

В постмодернистских дискуссиях вовсе не случайно звучит голос выдающихся представителей литературы и искусства, так как именно в этих областях культуры началась борьба против предшествующей эпохи – эпохи модерна. Так, известный современный писатель У. Эко считает целью постмодернизма разрушение привычных для предшествующей культуры разделений и дихотомий – реализма и ирреализма, формализма и содержательности, элитарного и массового искусства и т.д. Теоретик постмодернистской архитектуры Ч. Дженкс в книге «Язык архитектуры постмодерна» говорит о «двойном кодировании», заключенном в постмодернистской архитектуре: один язык обращен к «ангажированному меньшинству» знатоков, другой – к обычным людям, к большинству. Таким образом, каждый из слоев «читает» архитектуру на понятном ему языке.

Другая формула, распространенная в постмодернистской архитектуре, выражена немецким теоретиком Г. Клотцем в работе «Модерн и постмодерн. Современная архитектура 1960–1980» следующим образом: произведение архитектуры – это уже не носитель и не чудо конструкции, но изображе-

ние символических содержаний и художественных тем, это эстетические фикции, которые уже не есть абстрактные чистые формы – они находят предметное проявление.

На наш взгляд, наиболее убедительную трактовку постмодернизма дал М. Эпштейн. Он считает, что всемирная история делится на три эпохи: древность, Средневековье, Новое время. В XX в. исчерпываются основные движущие силы Нового времени: антропоцентризм, индивидуализм, рационализм, либерализм, вера во всемогущество разума и свободу личности. Постмодерн – это четвертая большая эпоха в истории человечества, следующая за Новым временем. Постмодернизм же – только первый период «постмодерности» (Postmodernity), подобно тому, как модернизм был завершающим периодом Нового времени (Modernity). Впрочем, исследователь употребляет термин «постмодерн» как по отношению ко всей грядущей эпохе, так и к текущему периоду, пытаясь «очертить границы постмодернизма в рамках продолжающейся большой эпохи постмодерности и показать возможности перехода к последующему периоду. Представляется, что к концу 1990-х годов постмодернизм исчерпал себя, но тем настоятельнее обозначаются перспективы постмодерности за пределами постмодернизма»¹.

Эпштейн предложил диалектику перехода от модернизма к постмодернизму. Этот переход описывается через понятие «гипер», которое включает в себя два этапа: «супер» и «псевдо». «Гипер» – это такое «супер», которое самим избытком некоего качества переступает границу реальности и оказывается в зоне «псевдо» (и, в конце концов, сменяется «пост»). Здесь применима идея Бодрийяра о том, что гиперреализм убивает реальность.

Если мы рассмотрим точки зрения исследователей, выделяющих основные установки постмодернизма, то увидим, что они практически дублируют друг друга (разница лишь в том, что одни критикуют данные установки, другие определяют постмодернизм не столько как период расцвета искусства, сколько как период его глубочайшего осмысления). Л. Мочалов, например, характерными чертами современной эпохи считает смешение реальности и иллюзии, утвержде-

ние игрового принципа. Он полагает, что симуляционистские установки современной эпохи иницируются характером самой действительности. Одним из основных принципов практики современного искусства Мочалов называет «принцип негативной репрезентации»², согласно которому действительность представляет сплошную симуляцию. Вещи, слова – это все знаки, указывающие на нечто, наполненное смыслом, доступным лишь посвященным, «побольше непонятного» – вот девиз современного искусства³.

Ученый заключает, что в постмодернизме нечто становится ценностью, только пребывая на грани реального и мифического. Являясь критиком постмодернизма, он провозглашает самоуничтожение личности, принявшей установки постмодернистской философии.

Еще один радикальный критик постмодерна А.В. Гулыга определяет как негативное последствие современной эпохи установку на радикальный плюрализм. Она, по его мнению, препятствует объединению человечества в единое целое для осуществления выживания. С точки зрения автора, без внимания остается категория времени, понимаемая им как «некая целостность, в которой сливаются воедино прошлое, настоящее, будущее»⁴. Гулыга не принимает предпринятую постмодернистами попытку переосмысления времени и утверждает, что для наиболее полного рассмотрения какого-либо феномена недостаточно ограничиваться только контекстом породившей его эпохи, но необходимо осуществить исторический анализ и «сверх-историческое рассмотрение», отбрасывающее все случайное, личное⁵.

Нужно отметить, что в отечественной литературе эпоха постмодернизма далеко не всеми авторами рассматривается негативно – как нечто неопределенное, непредсказуемое и бессмысленное. Например, В. Вельш рассматривает плюрализм как положительную характеристику. По его мнению, он ведет к крушению Целого, проявляющемуся в становлении различности и множественности. Положительное значение рассматриваемой эпохи Вельш видит в том, что «постмодернизм бежит ото всех форм монизма, унификации и тоталитаризации, не приемлет еди-

ной общеобязательной утопии и многих скрытых видов деспотизма, а вместо этого переходит к провозглашению множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм и сосуществования гетерогенных элементов»⁶.

Таким образом, подводя итог развитию дискуссий в литературе, мы можем выделить несколько основных характеристик эпохи постмодернизма:

1) основное понятие постмодернизма – понятие неопределенности (неопределенность смысла, неопределенность границ – расплывчатость и т.д.);

2) постмодернизм крушит все сложившиеся порядки, опровергает все каноны (в литературе, в частности, это проявляется в утверждении «смерти автора»);

3) ирония – одна из главных постмодернистских установок, отмеченная, в частности, американским исследователем И. Хассаном, подразумевающая игру, аллегорию как важнейшие приемы литературы и искусства, а также любого вида мыслительного творчества;

4) для искусства постмодернизма часто характерно смешение стилей и жанров;

5) лабиринт, игра – часто применяемые приемы. С этим тесно связаны принципы «равного» участия в игре и игры без правил, в которой, во-первых, абсолютизирована свобода интерпретации, а во-вторых, отсутствует конечный результат;

6) постмодернизм возвещает о «смерти субъекта». «Я» перестает быть центром мысли и переживания, оно вообще не может быть определимо, так как всегда находится в поисках самого себя и может быть репрезентировано только через Другого, но познать Другого – также ложная задача, так как в основе человеческой психики лежит бессознательное;

7) обращаясь к онтологии постмодерна, В.Г. Косыхин отмечает псевдособытийность как одну из главенствующих характеристик. «Само событие, даже в радикально-хайдеггеровском смысле Ereignis, трансформируется в постмодернистской «псевдособытийности», лишаясь своих черт бытийности, еще сохранившихся в поздне-хайдеггеровской онтологии. Псевдособытия постмодернистских он-

тологий – это события под знаком вычеркивания, события, обладающие гибридно-понятийной структурой, события – гибриды, вернее – прививки невозможной событийной структуры, сама невозможность любого «чистого» события⁷;

8) в постмодернизме отсутствуют такие категории, как Единое, Целое, во всяком случае его представителями отрицается единство как субстанциональное свойство реальности. Например, Ж. Деррида и его последователи, как известно, отрицают существование изначального смысла. По этому поводу В. Вельш пишет: «Если обзор постмодернистских тенденций в литературе, архитектуре, живописи, скульптуре, социологии и философии связать с совокупной характеристикой постмодерна, то получится следующее. Постмодерн начинается там, где кончается Целое. И он категорически выступает против новых попыток тоталитаризации – так, например, в архитектуре выступает против монополии интернационального стиля, или в теории науки – против ригидного сциентизма, или в политике борется с внешними и внутренними претензиями на господство. Кроме того, постмодернизм использует конец Единого и Целого в позитивном смысле, когда пытается упрочить и развернуть вступающее в силу Многое в его легитимности и своеобразии. Здесь – ядро постмодерна. Исходя из осознания непреходящей ценности различающихся концепций и проектов – а не из-за поверхности или безразличия – постмодернизм радикально плюралистичен. Его видение – видение плюральности»⁸.

Но нельзя не заметить, что борьба против Единого, Целого как символов эпохи модерна обернулась в постмодернизме отсутствием интегрированности личности и культуры, что является негативным проявлением.

Теперь, выделив основные характеристики эпохи постмодерна, попытаемся дать ответ на основной интересующий нас вопрос: что представляет собой язык в современную эпоху?

При рассмотрении ее характеристик часто по отношению к языку применяется термин «код». А как может быть иначе, ведь мы живем в то время, когда самым главным является информация. Та самая информация,

которую можно переслать, отправить по электронной почте, да и само общение между людьми часто становится сообщением по той же почте, которое не имеет уже смысловой глубины, а ограничивается только лишь передачей информации, вернее – текста. Но вопрос о коммуникации между людьми далеко не единственный; при анализе эпохи постмодерна (что является нашей задачей) вопрос о метаморфозах языка в культуре проявляется наиболее остро.

В постмодерне знак является собственно объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с действительностью, он ничего не означает или означает лишь самого себя, но при этом в человеческом общении знак сохраняет свойства симулякра. Соответственно, и означение, создание текстов культуры есть не более чем «производство фикций», фиксация смысла, который самому себе не соответствует. В результате, мы видим формирование новой среды жизнетворчества, в которой меняется не только отношение между формой и содержанием, но смысл пространства и времени, влекущий за собой виртуальную сверхреальность. Связанный с традицией структурализма Жан Бодрийяр активно использует понятие кода. Код, система симулякров – это и есть характеристика современности. Его символический обмен – игра, а скорее – даже противоборство. Таким образом, суть письма заключается не в том, чтобы тайно выразить некое дополнительное, на первый взгляд, невидимое, «сакральное» означаемое (что пытались сделать предшествующие эпохи), а в том, чтобы разоблачить, разрушить его посредством игры.

Но несет ли в себе игра изначально подобное разрушительное начало, призвана ли она разрушать единство и целостность? Игра, если мы сошлемся на Деррида, – это разложение наличного состояния. «Наличие того или иного элемента есть не что иное, как значимая референция – субститут, включенная в определенную систему различий и в движение определенной цепочки. Всякая игра – это игра отсутствия и наличия, однако если мы хотим помыслить игру по самой ее сути, то мыслить ее следует как нечто предшествующее альтернативе наличия и отсут-

ствия; само бытие нужно помыслить как наличие или отсутствие, исходя из возможностей игры, а не наоборот»⁹.

В постмодернизме вся система языка превращается в бесконечный деконструктивистский текст, некую систему следов, не имеющих ни происхождения, ни завершения, цепочку следов означиваний, приходящую из ниоткуда и уходящую в никуда. Логоцентризм, согласно Деррида, – это ложная идея в теории языка. Тем не менее ничего кроме бесконечности значений и смыслов, не имеющих центральной оси, он предложить не смог. А что дальше? Game over (игра закончена) или новая метаморфоза? Хочется верить в лучшее. Но какой будет эта метаморфоза, и что она принесет с собой кардинально нового, или речь идет о возвращении, как это всегда бывает, к традициям прошедших эпох? Кого на этот раз мы будем цитировать? Ответ на этот вопрос находится за пределами задач данной статьи.

Статья выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)», проект № 2.1.3/6499

Примечания

¹ *Эпштейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория / М. Эпштейн. М., 2000. С.8.

² *Мочалов Л.* Раннее Евангелие постмодернизма / Л. Мочалов // Нева. 1997. №4. С.191.

³ Там же. С.192.

⁴ *Гулыга А.В.* Что такое постсовременность / А.В. Гулыга // Вопр. философии. 1988. №12. С.156.

⁵ Там же. С.156.

⁶ *Вельш В.* «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. 1992. №1. С.132.

⁷ *Косыхин В.Г.* Онтология и нигилизм: от Хайдеггера к постмодерну / В.Г. Косыхин. Саратов, 2008. С.100.

⁸ *Вельш В.* Указ. соч.

⁹ *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Отв. ред. Г.К. Косиков. М., 2000. С.424.